

З.Х. Шахпутова*, М.Б. Нуртазина

*Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Астана, Казахстан
(E-mail: zukhrakhad@mail.ru, maral0204@mail.ru)*

Репрезентация дискурсопорождающих концептов в автохтонном художественном тексте

Статья посвящена проблеме интерпретации автохтонного художественного дискурса. Художественный дискурс понимается как коммуникативно-когнитивная деятельность (сотворчество) автора и читателя, результатом которой предстает особый мир смыслов — текст в совокупности с экстралингвистическим контекстом. Учитывая важное значение дискурса в конструировании этноязыковой картины мира, доказана роль пространственного фактора в организации автохтонного художественного дискурса. Дискурсивное пространство рассмотрено сквозь призму национальной специфики автохтонной культуры. В казахской этноязыковой картине мира традиционное восприятие пространства представлено в координатах горизонтали и вертикали. Вертикальное пространство обусловлено мифопоэтическими представлениями о надземном, земном и подземном мирах. Репрезентантом горизонтального пространства выступает основной тип автохтонного ландшафта — степь. Рассматриваемый автохтонный художественный мир проецируется через метафорический образ дома, реализуемый концептами «степь», «аул», «юрта». Данные концепты определяются доминантами индивидуально-авторского художественного дискурса. Смыслы, формирующие структуру художественных авторских концептов, постигаются через дискурсивную интерпретацию образа дома. В статье проанализировано авторское понимание дома: «дом — это *степь*» (родина предков, «своя» земля), *аул* (родная земля с близкими сердцу природой, звуками и запахами), *семья* (родственники, соплеменники, весь аул), *человек* (его внутренний мир). Выявлена актуализация понимания дома как целостности семьи. Акцентируется традиционное для казахской этнокультуры представление о доме как символе единства и благополучия семьи, народа и родины.

Ключевые слова: художественный текст, дискурс, дискурсивное пространство, концепт, автохтонная этнокультура, степь, аул, дом.

Введение

Современный этап лингвистических исследований текста характеризуется тенденцией рассматривать автохтонный художественный текст (далее — АХТ) как форму коммуникации с точки зрения дискурсивных механизмов формирования его смыслового содержания. «Дискурс, понимаемый как речемыслительное образование событийного характера в совокупности с прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами, <...>, становится своеобразным смысло-генерирующим и миропорождающим «устройством», экзегетическим «текстом» культуры, ментальным фрагментом «возможного мира» (возможного положения дел, вариативного развития событий)» [1; 137]. Каждый АХТ, представляющий собой уникальную систему этномаркированных словесных образов, трансформируется при его восприятии реципиентом в автохтонный художественный дискурс (далее — АХД). В нашем представлении АХД является целостным продуктом культурно-когнитивного взаимодействия автора и реципиента, виртуальной моделью смыслового содержания текста. Смысловое содержание АХТ конструируется в соответствии с порождающей его дискурсивной моделью, фокусирующей в себе многие экстралингвистические факторы самобытной этнокультуры. Поэтому дискурсивный смысл слова в АХТ, как показывает наше исследование, нередко, значительно превышает рамки его узуального значения. Истинный смысл слово приобретает только в контексте дискурсивной матрицы всего текста произведения, благодаря которой художественная картина мира соотнобразуется с реалиями той или иной автохтонной культуры.

Картина мира, порожденная авторским сознанием, а также возникающая в сознании реципиента в процессе восприятия им АХТ, выступает многоплановым форматом художественного знания. Ключевые элементы индивидуально-авторской картины мира — базовые художественные (дискурсопорождающие) концепты, определяют смысловую доминанту текста. Постижение смыслов, формиру-

* Автор-корреспондент. E-mail: zukhrakhad@mail.ru

ющих структуру художественных авторских концептов, происходит через пространство АХТ и его интерпретацию [2]. «Выявление коммуникативно-когнитивной корреляции речевого смысла художественного текста и дискурсообразующих концептов» представляется важным в исследовании художественного дискурса [3; 318].

Цель представленного исследования состоит в выявлении этнокультурных смыслов некоторых духовных художественных концептов: «степь», «аул», «юрта» в АХД, реализация которой предполагает решение таких вопросов, как: 1) выявить, какие языковые образы с точки зрения речемышления и когнитивного сознания возникают в этнокультурном пространстве в казахской языковой картине мира; 2) как соотносятся поверхностный и глубинный уровень в художественном пространстве; 3) какие денотативные смыслы и приращения, образные параллели, отражающие особенности национального мировосприятия, в композиции когнитивного и метафорического центра.

Методы и материалы

Материалом для анализа послужил роман Смагула Елубая «Ақ боз ұй» / «Одинокая юрта». Ассоциативно-образная архитектура АХД исследуется с применением методов контекстуального, дискурсивно-концептуального анализа текста и лингвокультурологической интерпретации национально маркированных единиц. Описательный метод, включающий приемы наблюдения, систематизации, обобщения языковых фактов, позволяет выявить и продемонстрировать национально-культурную специфику анализируемых единиц. Для установления семантического содержания базовых концептов применяется метод экспликации их этимологической, культурно-исторической и ассоциативно-коннотативной семантики.

Результаты и обсуждение

АХТ, репрезентирующий концептуальную картину мира в ее базовых компонентах, в комплексной системе ключевых образов и форм этноязыкового мышления, отражает универсальные (общечеловеческие) и этнокультурные представления, а также формируют собственный концептуальный мир. По мнению С.Б. Аюповой, художественное произведение предстает как материальный объект в реальном физическом пространстве, как художественный образ в перцептуальном пространстве и как модель реальных или мыслимых ситуаций в концептуальном пространстве [4; 18]. В то же время А.Б. Темирболат отмечает, что в пространстве художественного произведения сочетаются свойства реального, перцептуального и концептуального пространств [5; 14]. Художественное пространство, в рамках которого разворачиваются события в жизни героев, состоит из поверхностного и глубинного уровней. Поверхностный уровень, связанный с объективным аспектом художественного пространства, определяется как реальность, место развития изображаемого автором действия. Глубинный уровень репрезентируется как субъективное пространство, поскольку на основе ценностного переосмысления обычных предметов действительности постигается символичность образов пространства [5; 14].

Значимыми характеристиками пространства представляются «неотделимость от времени, наполненность пространства вещами, отделенность пространства от того, что им не является, открытость, широта и развертывание пространства вовне по отношению к некоему центру, организованность пространства изнутри, его расчлененность и составность» [6; 177].

Пространство художественного произведения может определяться как открытое/закрытое, горизонтальное/вертикальное, динамическое/статическое, географическое, земное, космическое, онейрическое, фантастическое. В то же время при анализе художественного пространства могут применяться смешанные модели, объективно существующие, как, например, культурное, социальное и другие пространства, они более свойственны новейшей литературе [7; 508]. На основе анализа многочисленных исследований К. van Krieken, J.Sanders, E.Sweetser выделяют различные виды пространства в нарративном дискурсе в зависимости от языка и жанровых характеристик, а также для художественного нарратива отмечают специфичность нефизического воображаемого образного пространства между нарратором и адресатом как соучастниками некоего общего пространства с точки зрения взаимного понимания гипотетического времени [8; 246].

Исследуя пространственную организацию художественного нарратива, Ch.Das, P.Tripthi подчеркивают, что пространственная траектория текста находится в рамках многогранных реалий своей автохтонной культуры и всегда неоднородна, то есть не бывает однозначно линейной, причинно-следственной или стабильной [9; 392]. Художественный мир произведения, созданный автохтонно-

маркированной творческой энергией и воображением писателя, включает внешний мир как бытийное пространство и внутренний мир как психологическое пространство героев. Кроме того, можно представить целую схему, отражающую основу мыслекода автора и читателя. Проиллюстрируем это положение на схеме (см. рис.).

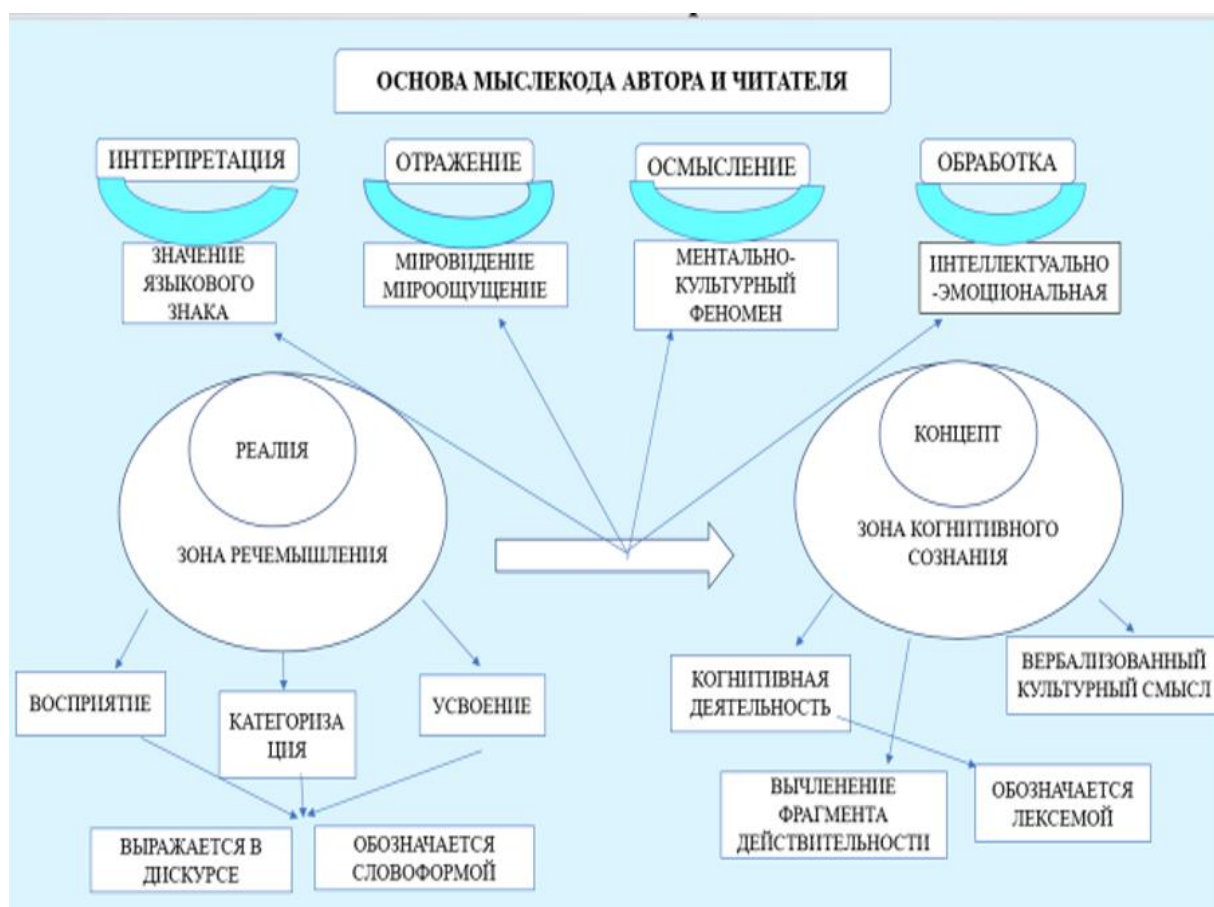

Рисунок. Основа мыслекода автора и читателя

Этнокультурное пространство в казахской этноязыковой картине мира репрезентируется образами дома (юрты), аула, степи, выступающими ключами к пониманию своеобразия ментальности казахского народа. Концепты «дом», «семья», «родина» и другие составляют ядро практически всех этнолингвокультур. Так, понимание любого из этих концептов универсально потому, что они олицетворяют родной очаг, семью, родителей, детей, родную землю. В то же время следует отметить и ее специфичность и уникальность для каждой отдельной этнокультуры, что находит отражение в АХТ. Л. Беженару при изучении концепта «малая родина» (МР) в славянских языках определяет пространство МР как физико-географические пространства (*горы, степь, море* и т.д.) и административно-географические пункты (село, деревня, аул и др.), так и место судьбоносное (роковое), место столкновения с высшей реальностью, связанное с опытом мистического и непонятного. Автор выделяет общность смыслового ряда концепта МР, связанного с родными местами (*место рождения человека, его «корни», родина предков*) в разных этноязыковых картинах мира, при этом указывает на своеобразную выраженность различных аспектов концепта МР в каждой этнокультуре. Например, МР для белорусского этноса связана с отдельным уголком родной земли «родны кут», для украинской ментальности — с плодородным черноземом: «земля — кормилица» [10; 20]. Следовательно, национально-культурная специфика может быть обусловлена различиями природно-географической среды, социальными условиями, характерными для жизни отдельного этноса, и другими факторами, как, например, актуализацией определенных этноспецифичных аспектов в универсальном.

Национальная модель мира и само мировосприятие казахского этноса конструировалась в соответствии с гармоничными законами степной природы, эксплицирующими единство кочевника-скотовода с природой, окружающим миром. Пространственная модель мира включает два компонен-

та: (а) горизонтальный компонент — представлен степью как основным типом автохтонного ландшафта; (б) вертикальный компонент — обусловлен мифопоэтическими представлениями о существовании верхнего (надземного), среднего (земного) и нижнего (подземного) миров. Восприятие пространственных образов происходит через оппозиции «близко–далеко» и «верх–низ».

Проблема смысловой интерпретации АХД рассматривается путём герменевтического анализа текста романа С. Елубая «Одинокая юрта», представляющего собой историко-философское произведение, повествующее о судьбе казахского народа в период коллективизации в 20-е годы XX века. На фоне исторических перемен, пришедших в размеренную степную жизнь, воссоздана судьба жителей одного аула, связанных друг с другом родственными и дружескими отношениями. Автохтонный художественный мир произведения представлен через метафорический образ дома, реализуемый этнокультурными концептами «степь», «аул», «юрта». В концептуальной модели эксплицированы знания и ценностный опыт автохтонной этнокультуры (концепт есть фрагмент этнокультурной среды в ментальном мире субъекта) и специфическое восприятие мира автором, на которой основывается концептосфера АХТ.

Казахская степь становится опорным метафорическим когнитивным центром, который вбирает в себя денотативные смыслы и приращения, определенные образные параллели, отражающие особенности национального мировосприятия. На фоне колоритообразующей семантики возникают ассоциативные связи, которые эксплицируют эмпирические смыслы, охватывающие концептуальное восприятие реального, «своего» пространства — исконного места проживания казахов. Степь является основой казахского природного мироздания: *«Эта земля — с ее оврагами и лощинами, с ее многочисленными тропами и тропками, заросшими пообочь устели-полем, зверобоем, ковылем, покрытыми белесым слоем дорожной пыли, — близка ему; она — очевидец его жизни, начиная с самых ранних, детских и юношеских лет...»* [11; 169].

Безграничная, необъятная степь в казахском национальном сознании ассоциируется с духовными ценностями — свободой, счастьем, жизнью. *«... Полынная степь, омытая дождем, очистилась, стала похожа на пышный зеленый ковер. И караван оживился, пестрый, разноголосый: овцы и козы разблеялись, ягнята и козлята разверецились, верблюжата разыгрались, позванивая колокольцами, наслаждаясь привольем»* [11; 54]. Как наслаждаются привольем животные, так и человек радуется степному простору. Так, в тексте романа восхищается Хансулу, одна из главных персонажей произведения, жадно обозревая пробуждающуюся ото сна степь: *«До чего широк, до чего великолепен мир!»* [11; 137]. Бескрайнее степное пространство является для кочевого народа и животного мира общим домом, в котором просторно, дышится легко и свободно.

Степь предстает хранителем истории и культуры народа, очевидцем великих событий и человеческих деяний, вызывая в казахском этносознании чувство сопричастности к родной земле, истории своей страны: *«Голос старца слился с дыханием степи. Звуками домбры, голосом сказителя изливалась долгая, нескончаемая летопись, что было и что свершилось сегодня...»* [11; 65]. Не случайно этот образ обретает антропоцентрическую архитектуру: степь поет, радуется и скорбит. Образ степи, словно живое существо, дышит, чувствует, сопереживает и страдает, взывает к образу матери, живущей судьбой своего народа как своего ребенка. Ср.: *«Застонала, запричитала вместе с домброй Лабак-ахуна степная ширь, облитая мягким лунным светом. Побежала-покатилась волна по верхушкам ковыля, ясенца, полыни ... еще волна накатилась, еще ... заволновалось море пахучих степных трав, зашелестел чий на крышах. Весь подлунный мир пришел в движение, тронутый голосом сказителя. ... Заворочалась, завздыхала степь — она-то все помнит ... Задул ветер, его вой — как плач осиротевшего верблюжонка ...»* [11; 66].

По аналогии с внешним миром в сознании человека формируется и его внутренний мир — пространство души (психологическое пространство). Настроение, состояние души персонажей могут передаваться изображением природного мира. Так, в романе тягостное настроение Хансулу, ее самощущение коррелирует с описанием степи, которое транслируется сопряжением олицетворений (*безрадостна степь; бродит она; пробегают шары перекасти-поля; ветер, кидающийся песком*), сравнительного оборота (*как прокисшее молоко*), эпитета (*пыльные завихрения*). *«Безрадостна степь, пыльные завихрения прокатываются по ней, и кажется — бродит она как прокисшее молоко; по гребням вдалеке пробегают шары перекасти-поля. Вдохнула Хансулу — ветер, кидающийся песком, и Устюрт припорошил пылью; некогда многоцветный от ярких трав и цветов, он был теперь однообразно сер»* [11; 98]. Сравнительное высказывание *«бродит она как прокисшее молоко»* выступает метафорическим способом выражения этнокультурной ментальности: для казахского народа молоко

(белое) символизировало благополучие человека, которое зависело от благополучия его скота как источника жизни. Прокисшее молоко — негодное для употребления, не нужное никому, наводит на мысль о неприкаянной душе, до которой никому нет дела в огромном мире. Степь, переходя из состояния стабильности, описываемое в начале романа, в состояние переменчивости, непостоянства (пыльные бури) становится пространством для испытаний.

В обширной степи языковыми образами *аула* и *юрты* определяются центральные точки, своего рода координаты в жизненном пространстве казаха. Аул — селение, поселок, стоянка, кочевье (состоящее из юрт), жилище. «*Осеннее стойбище аула. Неприглядна здесь земля. Выгорела вся. Особенно удручающе выглядит пустырь у колодца, где и вовсе ни травинки, даже выгоревшей; над ним постоянно висит пыльное облако. ... Шум окрест: блеют овцы, стонут верблюжата — обычная картина из жизни вечернего аула, хлопотливая пора, когда все на виду: и люди, и животные*» [11; 9]. Жизнь в ауле показывается автором в тесной связи с животными (лошади, бараны, верблюды), поскольку животные были главной хозяйственной ценностью для кочевого народа. Поэтому аул в тексте произведения — это родная земля с хорошо знакомыми с детства пейзажем, звуками, запахами: «*Прекрасная, отдающая в ушах ночь стояла в степи, дышалось хорошо. В темно-синем небе перемигивались бесчисленные звезды. Отовсюду — запах дыма, запах тлеющего кизяка*» [11; 23]. Аул определяется как родная среда, «*кіндік қаны тамған жер*» (букв.: *земля, на которую капнула кровь из перерезанной пуповины*), то есть «начало всех начал» (определение Г. Бельгера).

Еще один важный этнокультурный маркер концепта «аул» в создаваемой С. Елубаев художественной картине мира в представлении казахов: аул — одна большая семья, взаимоотношения членов которой регулировались многовековой традицией, нравственными нормами поведения. Единство жителей аула как членов одной семьи показано на уровне отдельного дома. Аул есть дом. «*В ауле весело, будто праздник пришел. За скотину, угнанную месяц назад на ярмарку в город Темир, мужчины привезли мануфактуру, одежду, сахар, чай. Как тут не радоваться? Народ собрался в свободной гостевой юрте Пахраддина*» [11; 22]. Аулчане, собравшись в гостевой юрте бия Пахраддина, празднуют благополучное возвращение мужчин с ярмарки домой. В другом фрагменте в юрте аулная Шарипа всем аулом во главе со старейшинами рода решают судьбу Азбергена, побившего своего односельчанина Козбагара. Этот эпизод, репрезентирующий традиционный подход решать все споры мирно, своим аулом, не вынося проблему за пределы аула (то есть «своего» пространства), указывает на восприятие в казахском сознании аула как одной семьи.

Аулчане как члены одной семьи вместе и в радости, и в горе. Чувство родства, единства заключены во взаимовыручке (*асар*), эксплицирующий казахский обычай помогать соплеменнику. Для казахского этноса важно было проявлять заботу и оказывать поддержку своим родственникам, соседям, аулчанам. Жизнь кочевого аула с традиционными сезонными перекочевками немыслима без взаимовыручки аулчан: все решается сообща, одним аулом, единой семьей, одним домом.

Үй — юрта, традиционное жилище казахов, представляет собой центр мироздания казахского этноса. Концепт «юрта» вместе с субконцептом «шанырак» символизирует семейный очаг, семью, связь поколений, династию (эулет), продолжение рода (ұрпақ), духовные ценности. Олицетворяя единство, солидарность и благополучие как семьи, так и родной земли, единство материальных и духовных ценностей этноса, концепт «юрта» представляет собой, в целом, жизнь, а также душу народа, его будущее.

Концепт «юрта» в казахской языковой картине мира непосредственно связан с гостеприимством, что иллюстрируется в тексте: гости усаживаются на *төр*, самое почетное место; по случаю прибытия гостя режется баран и накрывается дастархан.

Образ дома (юрты) раскрывается в тексте произведения посредством описания формы, размера, цвета, материала, а также традиционных предметов быта, позволяющими воссоздать этническую картину мира. Автор показывает, что каждая предметная составляющая юрты — *шаңырақ*, *уық*, *бақан* — обладает смысловыми, символическими и семиотическими смыслами. Юрта, как «модель Большого мира, состоящего из надземной, земной и подземной частей, имела основание, пояс, шанырак» [8; 414]. С таким трехмерным восприятием мира связано выражение «*шаңыраққа қара*», буквально переводимое «*посмотри на шанырак*», что значит — «*действуй осторожно, ты не в своем доме*», выражающее важность соблюдения этикета. Символизм концепта «шаңырақ» обусловлен его традиционным пониманием как самого священного места в юрте, равносильным небесному своду. Небо в сознании тюркских этносов ассоциировалось с Всевышним (Көк Тәңір — небесный бог).

Пространство юрты, не имеющее внутренних стен, разграничивалась строго установленным порядком на мужскую и женскую половины, места для домочадцев и гостей. «Вокруг юрты была разработана жесткая система понятий, этикетных норм и обрядов, запретов и регламентаций. Существовали определенные правила подъезда к юрте, входа в нее, поведения в ней и т.д.» [12; 65]. Согласно концептуальной идее автохтонной этнокультуры, нормы поведения в юрте строго соблюдались как хозяевами, так и гостями, которые рассаживались в соответствии с канонами степного этикета: никто не занимал не положенного места. «Соблюдая достаточно жесткие ритуальные правила в жилье, пище, одежде, порядках и обычаях, кочевник мог рассчитывать на благоприятное к себе отношение небес и духов, обороняясь от зла и сохраняя благополучие» [12; 65]. Однако в романе писатель, отражая новые событийные условия эпохи коллективизации, повлекшей за собой процесс раскулачивания, показывает намеренное нарушение обычая молодым активистом, представителем новой власти, на скаку остановившимся прямо у юрты, хотя, как отмечает Н. Шаханова, запрет подъезжать к юрте со стороны двери был закреплен в казахском правовом своде [13; 44]. Ср.: *«Пахраддин совершал утренний намаз, когда рядом с юртой, почти у самых стен, простучали конские копыта. Он повел глазами в сторону шума: кто это, дескать, проявляет неуважение, у самой юрты резвится?»* [11; 75].

Юрта как приватное пространство может давать оценочную характеристику персонажам художественного произведения и репрезентировать их внутренний мир. В образе дома воплощены характер, состояние души домочадцев. Так, впервые приехавший в Казахскую степь новый секретарь района Калашников, сидя в белоснежной юрте образованного бия Пахраддина, удивляется изысканной красоте, окружающей его, и не понимает, откуда она взялась здесь, в глухомани: *«Изумляла не столько роскошь, сколько вкус, угадывавшийся во всем, что его окружало, вкус тонкий, непритязательный и вместе с тем изысканный»* [11; 61]. По юрте демонстрируется статус ее хозяев: юрта бия Пахраддина расположена в центре аула, тогда как юрта кулака Пахраддина, не принятого в коллектив, находится на окраине аула.

О кардинальных переменах в жизни всего народа свидетельствует появление концепта «красная юрта», отражающего реалии Нового времени: *«Пахраддин еще выплачивал налог, когда объявилась Красная юрта. Она встала в ауле Мажана, и с того дня, считай, не прекращалось там веселье: каждый день музыка, молодежные гулянья. Алтыбакан между двумя аулами соорудили, патефон рядом надрывался, кружа голову молодым. И — что ни день — собрания, собрания, собрания... Рассказывали, что на собраниях обо всех новостях в мире сообщают, журналы читают, концерты показывают»* [11; 76]. Красная юрта выступает символом новой власти, знаменуя факт наступления новой эпохи в степном пространстве: зарождение в степи новой жизни: с журналами, концертами и собраниями. Тихая размеренная жизнь в ауле превращается в непрекращающиеся собрания и постоянную погоню за выполнением различного рода планов: по конфискации излишков скота и имущества, по ускоренному переходу на оседлый образ жизни и т.д.

Белая юрта Пахраддина на краю аула символически сравнивается с уходящей эпохой степной интеллигенции, самобытными устоями и традициями. Если в начале романа большая белая юрта Пахраддина, полная родных и гостей, олицетворяет жизнь, то в конце произведения — одинокая, покинутая, пустая — она символизирует смерть семьи, рода: покинули этот мир сыновья, ушел брат. *«Горько ему, что в трудный для него час нет рядом сына, готового последовать за ним, готового поддержать в дороге. Были бы живы Али и Кали, слов нет, не испытывал бы он скорби, не терзался бы... И кочевье было бы полным. Безжалостна ты, судьба, ох, как безжалостна!..»* [Елубай С. 2009. С. 176]. В данном контексте лексема *кочевье* отражает концептуальную идею семьи и дома. Как известно, именно в продолжении рода заключался смысл жизни для казаха. Поэтому саднит эта незаживающая рана в сердце Пахраддина. Неполноценность семьи, пустыньность дома без продолжателя рода указывает на разрушение жизненного остова у Пахраддина, о чем также свидетельствует и факт уничтожения многолетних записей о родословной Пахрадином, вынужденно покидающем свою землю, свой дом.

В другой юрте, доме сапожника Шарипа, свата Пахраддина, живут надеждой на возвращение из лагеря сына, репрессированного за женитьбу на кулацкой дочери, и скорое восстановление семьи. Символично поэтому Шарип дает родившемуся внуку имя Тугелбек (букв.: *түгел* — весь, целиком, целый) на счастье, в надежде, что его сына Шега оправдают и вернется он домой, семья в скором будущем воссоединится, станет целой. Шега же в своем письме жене наказывает беречь сына и не беспокоиться о нем.

Из представленных выше примеров выводится дополнительный смысл, репрезентирующий важность сохранения целостности семьи в период смены эпох, в непростой геополитической ситуации. Отсюда следует понимание, что дом — это целостность семьи, как не прерывающаяся жизнь, заключающаяся в продолжении рода от отца к сыну.

Заключение

Таким образом, художественный мир произведения может быть представлен в виде горизонтальной, вертикальной, географической, психологической, социальной моделей. Основу мыслекода автора и читателя в казахской этноязыковой картине мира составляют два спектра: реалья (зона речемышления) и концепт (зона когнитивного сознания), которые можно ранжировать в виде таких процессов, как интерпретация (значение языкового знака), отражение (мировидение и мироощущение), осмысление (ментально-культурный феномен и обработка (интеллектуально-эмоциональный фактор). В качестве неотъемлемых компонентов зоны речемышления мы выделяем лингвopsихологические аспекты, такие как восприятие, категоризация и усвоение, реализующиеся в автохтонном художественном дискурсе и могут иногда обозначаться словоформами. В состав зоны когнитивного сознания входят когнитивная деятельность коммуникантов, когда они вычлeняют фрагменты реальной действительности, и вербализованный культурный смысл, репрезентированный лексемой.

Пространственные образы в художественной картине мира автохтонного дискурса взаимосвязаны со временем, неоднородны по концептуальной архитектонике и национально-культурно обусловлены. Восприятие пространства в казахской национальной картине мира предстает как горизонтальная поверхность (степь) и вертикальное пространство (надземный, земной и подземный миры). Пространство художественного нарратива есть своеобразное этнокультурное восприятие мира, творчески выраженное посредством этноязыковых образов дома, аула, степи. Образы степи, аула, юрты, являющиеся доминантами казахской ментальности, выступают своего рода ключами к пониманию этнокультурных ценностей, особенностей менталитета казахского народа. В автохтонной художественной картине мира в едином образе **дома** воплощены: (а) *степь* как «свое», исконно проживаемое пространство, земля предков; (б) *аул* как место рождения, то есть происхождения рода, и как одна большая семья; (с) *юрта*, как единство семьи, как синергия духовных и материальных ценностей.

Концепт «үй»/«дом», отражая авторское понимание дома как целостности семьи, а значит, единства и благополучия семьи, народа и родины, служит символом обобщающего смысла жизнь во всей ее многоликости. Особенности репрезентации смыслообразующих концептов «степь», «аул», «дом» в автохтонном художественном тексте предопределяются культурно-историческим контекстом эпохи и ментальностью народа.

Список литературы

- 1 Алефиренко Н.Ф. Дискурс: смыслопорождающий механизм текста / Н.Ф. Алефиренко. — Градец-Кралове: Gaudeamus, 2019. — 228 с.
- 2 Neurohr B. Experiencing Fictional Worlds / B. Neurohr, L. Stewart-Shaw. — Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2019. — Retrieved from: <https://benjamins.com/catalog/lal.32>.
- 3 Алефиренко Н.Ф. В поисках когнитивно-лингвистической методологии учения о дискурсе / Н.Ф. Алефиренко, М.Б. Нуртазина, К.К. Стебунова // Вестн. СПб ун-та. Язык и литература. — 2021. — Т.18. № 2. — С. 313–338. — Режим доступа: <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205>.
- 4 Аюпова С.Б. Категории пространства и времени в языковой художественной картине мира (на материале прозы И.С. Тургенева): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01 — «Русский язык» / С.Б. Аюпова. — Уфа, 2012. — 50 с.
- 5 Темирболат А.Б. Проблема хронотопа в современной прозе: учеб. пос. / А.Б. Темирболат. — Алматы, 2003. — 199 с.
- 6 Бахралинова А.Ж. Пространственная параметризация казахской языковой картины мира [Электронный ресурс]. / А.Ж. Бахралинова // Вестн. Кемеров. гос. ун-та. — 2013. — Т.1. № 2. — С. 174–177. — Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/prostanstvennaya-parametrizatsiya-kazahskoy-yazykovoy-kartiny-mira/viewer>.
- 7 Pykhtina Yu.G. Combining spatial models in “The Terracota Old Woman” novel by E. Chizhova / Yu.G. Pykhtina, M.A. Konova, E.I. Krasnova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. — 2020. — Retrieved from: <https://doi:10.15405/epsbs.2020.04.02.58>.
- 8 Krieken K. van, Sanders J., Sweetser E. (2019). Linguistic and cognitive representation of time and viewpoint in narrative discourse / K. van Krieken, J. Sanders, E. Sweetser // Cognitive Linguistics. — 2019. — Vol. 30, No 2. — P. 243-251. — Retrieved from doi:10.1515/cog-2018-0107.

9 Das Ch. Conceptualizing. In-Text "Kshetra": Postcolonial Allahabad's Cultural Geography in Neelum Saran Gour's Allahabad Aria and Invisible Ink / Ch. Das, L. Tripathi // Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture. — 2021. — No 11. — P. 389-403. — Retrieved from <https://doi.org/10.18778/2083-2931.11.24>.

10 Беженару Л.Е. Концепт «малая родина» как ментальное и смысловое пространство / Л.Е. Беженару // Социально-психологические проблемы ментальности / менталитета. — 2020. — № 16. — С. 17–27.

11 Елубай С. Одинокая юрта / С. Елубай; пер. с каз. Л. Космухамедова. — Астана: Аударма, 2009. — 552 с.

12 Сейдимбек А. Мир казахов. Этнокультурологическое переосмысление: учеб. пос. [Электронный ресурс]. / А. Сейдимбек. — Алматы: Пауан, 2001. — 576 с. — Режим доступа: <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1104925&lang=kk>.

13 Шайкемелев М.С. Казахская идентичность: моногр. / М.С. Шайкемелев; под общ. ред. З.К. Шаукеновой. — Алматы: Ин-т филос., полит. и религиоведения КН МОН РК, 2013. — 272 с.

З.Х. Шахпутова, М.Б. Нуртазина

Автохтонды көркем мәтіндегі дискурс қалыптастыратын концепттерді репрезентациялау

Мақала автохтонды көркем дискурстың интерпретация проблемасына арналған. Көркем дискурс автор мен оқырманның коммуникативті-танымдық қызметі деп түсініледі (шығармаластық), оның нәтижесі болып ерекше мағыналар әлемі — экстралингвистикалық контекспен бірге мәтін шығады. Әлемнің этно тілдік бейнесін жобалаудағы дискурстың маңыздылығын ескере отырып, автохтонды көркем дискурсты ұйымдастырудағы кеңістіктік фактордың рөлі атап өтілген. Авторлар мақалада дискурсивті кеңістікті автохтонды мәдениеттің ұлттық ерекшелігі призмасы арқылы қарастырған. Әлемнің қазақ этнотілді көрінісінде кеңістікті дәстүрлі қабылдау көлденең және тік координаттарда беріледі. Тік кеңістік жер, жерүсті және жерасты әлемдері туралы мифопоэтикалық көзқарастарға негізделген. Көлденең кеңістіктің репрезентанты автохтонды ландшафтың негізгі түрі — дала. Қарастырылып отырған автохтонды көркем әлем «дала», «ауыл», «киіз үй» ұғымдарымен іске асырылатын үйдің метафоралық бейнесі арқылы жобаланған. Бұл ұғымдар жеке-авторлық көркем дискурстың басымдылығымен анықталады. Көркем авторлық тұжырымдамалардың құрылымын құрайтын мағыналар үй бейнесін дискурсивті түсіндіру арқылы жеткізіледі. Мақалада үйдің авторлық түсінігі талданған: үй — бұл *дала* (ата-бабалардың отаны, «өзімнің» жерім), *ауыл* (жүрекке жақын табиғаты, дыбыстары мен иістері бар туған жер), *отбасы* (туыстар, руластар, бүкіл ауыл), *адам* (оның ішкі әлемі). Отбасының тұтастығы ретінде үйді түсінудің өзектілігі анықталған. Отбасының, халықтың және туған жердің бірлігі мен берекесінің символы ретінде қазақ этномәдениетінде дәстүрге айналған үй идеясы ерекше атап өтілген.

Кілт сөздер: көркем мәтін, дискурс, дискурсивті кеңістік, тұжырымдама, автохтонды этномәдениет, дала, ауыл, үй.

Z.Kh. Shakhputova, M.B. Nurtazina

Representation of discourse-generating concepts in autochthonous literary text

The article examines interpretation problem of autochthonous literary discourse. Literary discourse is understood as the author and reader's communicative-cognitive activity, resulting in special world of meanings – text in combination with extralinguistic context. Considering discourse importance in constructing ethno-linguistic world picture, spatial factor's role in generating literary discourse is proved. Discursive space is viewed through the prism of national specifics of autochthonous culture. In Kazakh ethno-linguistic world picture, space perception is represented in horizontal and vertical coordinates. Vertical space is conditioned by mythopoetic ideas about aboveground, terrestrial and underground worlds. Horizontal space is presented by main landscape type – steppe. The considered literary world is projected through metaphorical image of home, realized by concepts "steppe", "aul", and "yurt" as dominants of author's artistic discourse. The author's understanding of home is analyzed: home is steppe (ancestors' homeland, "own" land), village (native land with nature, sounds and smells), family (relatives, tribesmen, aul), the person (inner world). The actualization of home understanding as family integrity is revealed. Traditional Kazakh ethno-cultural idea of home as symbol of unity and well-being of family, people and motherland is emphasized.

Keywords: literary text, discourse, discursive space, concept, autochthonous ethnoculture, steppe, aul, home

References

- 1 Alefirenko, N.F. (2019). Diskurs: smysloporozhdaushchii mekhanizm teksta [Discourse: the meaning-generating mechanism of the text]. Gradets-Kralove: Gaudeamus [in Russian].
- 2 Neurohr, B., & Stewart-Shaw, L. (2019). Experiencing Fictional Worlds. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company. Retrieved from <https://benjamins.com/catalog/lal.32>.
- 3 Alefirenko, N.F., Nurtazina, M.B., & Stebunova, K.K. (2021). V poiskakh kognitivno-lingvisticheskoi metodologii ucheniia o diskurse [In search of cognitive-linguistic methodology of the doctrine of discourse]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura — Bulletin of St. Petersburg University. Language and Literature*, 18(2), 313–338. Retrieved from <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.205> [in Russian].
- 4 Aiupova, S.B. (2012). Kategorii prostanstva i vremeni v yazykovoi khudozhestvennoi kartine mira (na materiale prozy I.S. Turgeneva) [Categories of space and time in the linguistic artistic picture of the world (based on the material of I.S. Turgenev's prose)]. *Extended abstract of Doctor's thesis*. Ufa [in Russian].
- 5 Temirbolat, A.B. (2003). Problema khronotopa v sovremennoi proze [The chronotope problem in modern prose]. Almaty [in Russian].
- 6 Bakhralinova, A.Zh. (2013). Prostranstvennaia parametrizatsiia kazakhskoi yazykovoi kartiny mira [Spatial parametrization of the Kazakh language picture of the world]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*, Vol. 1, 2, 174-177. Retrieved from <https://cyberleninka.ru/article/n/prostranstvennaya-parametrizatsiya-kazahskoy-yazykovoy-kartiny-mira/viewer> [in Russian].
- 7 Pykhtina, Yu.G., Konova, M.A., & Krasnova, E.I. (2020). Combining spatial models in “The Terracota Old Woman” novel by E. Chizhova. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*. Retrieved from <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.04.02.58>.
- 8 Krieken, K. van, Sanders, J., Sweetser, E. (2019). Linguistic and cognitive representation of time and viewpoint in narrative discourse. *Cognitive Linguistics*, 30(2), 243-251. Retrieved from <https://10.1515/cog-2018-0107>.
- 9 Das, Ch. & Tripthi, P. (2021). Conceptualizing. In-Text “Kshetra”: Postcolonial Allahabad’s Cultural Geography in Neelum Saran Gour’s Allahabad Aria and Invisible Ink. *Text Matters: A Journal of Literature, Theory and Culture*, 11, 389-403. Retrieved from <https://doi.org/10.18778/2083-2931.11.24>.
- 10 Bezhenaru, L.E. (2020). Kontsept «malaia rodina» kak mentalnoe i smyslovoe prostranstvo [The concept of "small homeland" as a mental and semantic space]. *Sotsialno-psikhologicheskie problemy mentalnosti / mentaliteta – Socio-psychological problems of mentality / mentalit*, 16, 17–27 [in Russian].
- 11 Yelubay, S. (2009). Odinoakaia yurta [Lonely yurt]. (L. Kosmukhamedova, Transl.). Astana: Audarma [in Russian].
- 12 Seidimbek, A. (2001). Mir kazakhov. Etnokulturologicheskoe pereosmyslenie [The World of Kazakhs. Ethnoculturological reinterpretation]. Almaty: Rauan. Retrieved from <http://kazneb.kz/bookView/view/?brId=1104925&lang=kk> [in Russian].
- 13 Shaikemelev, M.S. (2013). Kazakhskaia identichnost [Kazakh identity]. Almaty: Institut filosofii, politologii i religiovedeniia KN MON RK [in Russian].